

Станислав Ливинский

Как беспечная пташка

* * *

Звучит забавно — русский грек,
а с виду вылитый абрек,
ещё немного польской крови
и сильно сросшиеся брови.

Всему, мой глупенький сынок,
найдётся место в этой жизни.
Вот головастики без ног,
вот омерзительные слизи.

Вот нарезает чёрный кот
круги у рыбного прилавка,
и птичка песенку поёт,
и сквозь асфальт пробилась травка.

Их тоже обижают люди.
Но и таких ведь кто-то любит.

* * *

В саду за хлипкою оградой
живут жуки, сверчки и слизи,
и яблоки на землю падают,
уставшие от сладкой жизни.

Их соберёт в передник грустная
чудаковатая старушка.

Из них варенье выйдет вкусное,
а может — сморщенная сушка.

А может быть, у швейной фабрики,
где рынок возле остановки,
она продаст все эти яблоки
без сожаленья, по дешёвке.

* * *

Это кто там идёт в водолажке,
оставляя следы на песке;
нарезает лучок и колбаску,
самогон остужает в реке;
ловит рыбку — должна ведь ловиться,
голубым трепетать плавником;
не убийца, не самоубийца
с не обсохшим ещё молоком?!

Это я, как беспечная пташка,
воспеваю родную дыру.
Если я не родился в рубашке,
то, быть может, в рубашке умру.
Превращусь в бестолковую чайку,
прокричу над речною волной,
распугав головастиков стайку,
и по небу отправлюсь домой.

* * *

Да кто ж, мой миленький, из нас
не засыпал в обнимку с мишкой,
не опускал бесстыжих глаз,
не выносил от гроба крышку?!

Такая быль о трёх частях,
где от полочки до полочки
живут и пляшут на костях,
и похмеляются шипучкой.

Звонят в подпитии жене,
чтоб в сотый раз в любви признаться,
и пишут матом на стене,
и участкового боятся.

* * *

Как мы жили, так и пели —
выходило невпопад.
Оглянуться не успели,
чтоб оплакать дивный град.

Нам теперь ли верить в чудо
с пустотою вместо глаз?!
Ночью «скорая» к кому-то
приезжала много раз.

Кто-то громко хлопнул дверью
иль тихонько притворил.
Я себе уже не верю,
что бы там ни говорил,

как бы там ни делал ручкой,
усмиряя гордый нрав.
Время — лекарь-самоучка,
костолом и костоправ.

* * *

Вот так, обыденно и просто —
война, тюрьма и рабский труд,
Христос, как жертва холокоста,
а в перспективе — Страшный суд.

Сосед, на Сталина похожий,
непруха триста лет подряд.
И без конца и края можно
перечислять весь этот ад.

Ходить-бродить на задних лапах,
как дрессированный медведь,
и корень зла искать в масштабах
страны, ломающей комедь.

Скупая спички, соль и мыло,
на чёрный день плести петлю...
Когда бы ты не говорила —
я и таким тебя люблю.

* * *

Уже не здесь, ещё не там,
но седины теперь не прячу
и обывательским мечтам
я предаюсь, копая дачу.

Глава, ещё одна глава,
герой расстрелян по ошибке.
Плывут за стёклами слова,
переливаются, как рыбки.

Ну да, стал мелочен. Щелчки
в суставах тщательно считаю.
На днях купил себе очки
и первый раз в очках читаю.

А я глазами их ловлю
и вновь на волю отпускаю,
не потому что я люблю,
а потому что жизнь такая.

* * *

Постарайся меня не забыть,
если нет больше силы любить
и прощать переезды-пожары.
Нам и здесь не снискать благодать,
нас в чистилище станут шмонать,
загонять наши души на нары.

Всё унылый, пропащий народ,
где стихи — это типа рот в рот.
Мальчик-девочка, парой, за ручки.
В общем, так! — не закончив дела,
ты склонись над краем стола,
передёрнув затвор авторучки.

* * *

Вот так и живут, и дают имена
и детям, и маленькой речке.
И смотрят подолгу на всё из окна
и курят в трусах на крылечке.

Кивают на осень, её письмена,
повадки и мордочку лисью.
А ночью такая вокруг тишина,
что слышно, как падают листья.

Каштан ударяется о козырёк,
и кошка мяукает где-то.
И бьётся о лампу ночной мотылёк,
прельщённый безжизненным светом.

* * *

Служил творцу-единорогу
и семерых царей видал.
О счастье пел, но, слава богу,
тебе не переприсягал.

Краснознамённая держава,
страна, жена, больная мать.
Когда высасываешь право
любить и втайне проклинать.

Впадать, как сумасшедший, в детство.
Менять на бабки страшный дар.
В кривое зеркальце смотреться
и перечитывать «Анчар».